

Она подумала: не ослышалась ли она, не показалось ли? Та самая Баоли? Не может быть, ведь всего несколько дней назад она вспоминала о ней с другими, а сегодня она уже вернулась? Может, она просто ошибочно приняла кого-то за неё?

Чэн Баоли снова окликнула:

— Бабушка Чэнь!

И только тогда бабушка Чэнь поняла, что это действительно Баоли.

Бабушка Чэнь наклонилась, поставила стул и овощи, которые держала в руках, и хлопнула себя по бёдрам:

— Баоли а? Чжэн Эр!! Наконец-то вы вернулись! Совсем недавно мы о вас вспоминали!

Чэн Баоли положила вещи, которые держала, и пошла к ней. Чжэн Эр, бодрый и улыбающийся, громко позвал:

— Бабушка Чэнь!

Бабушка Чэнь так широко улыбнулась, что морщинки на её лице собрались в складки, и, взяв Баоли за руку, повела её домой:

— Быстрее, заходите домой, выпейте воды, только что вернулись? Чжэн Эр, твои родители вернулись на этот раз? А Янъян?

— Нет, они ещё в центре провинции, — ответил Чжэн Эр.

Новость о возвращении Чжэн Пина и Чэн Баоли быстро разнеслась по жилому кварталу. После окончания рабочего дня толпа людей устремилась в дом Чэн Баоли, чтобы посмотреть, как они выглядят после двух лет отсутствия. Увидев их, все были сильно удивлены.

Чжэн Пин был одет в модную коричневую кожаную куртку, на ногах — блестящие чёрные туфли. Он уже не был таким загорелым, как раньше, и теперь выглядел совсем не как обычный рабочий, а скорее как уверенный в себе человек, излучающий энергию и гибкость. Что касается Чэн Баоли, её длинные волосы были аккуратно уложены, на ней была ярко-красная ватная куртка и туфли на низком каблуке. Она тоже выглядела очень бодро, и её наряд явно стоил немало, особенно красные кожаные перчатки в её руках, которые казались очень качественными.

Чжэн Пин принимал соседей, особенно тех, кто раньше работал с ним в одном цеху, приглашал их зайти, попить чаю, поболтать и вспомнить прошлое. Он раздал привезённые подарки, которые, конечно, не были чем-то очень дорогим, но всё же приятным: детям — книжки и игрушки, мужчинам — сигареты, женщинам — шарфы и перчатки, а также некоторые местные продукты из центра провинции.

В доме Чжэн Пина царил оживлённая атмосфера, все болтали и вспоминали прошлое. Кто-то спросил Чжэн Пина:

— Чем вы занимались там? Почему вернулись только через два года? Центр провинции большой? Наверное, лучше, чем наш маленький уезд?

Чэн Баоли, разливая воду и угощая семечками, ответила:

— Конечно, центр провинции лучше, он совсем не похож на наше место. Там много людей, много вещей, и больше возможностей заработать.

— Вы там заработали много денег?

Чэн Баоли улыбнулась и покачала головой:

— Больших денег не заработали, но хватает на жизнь.

Одна из женщин спросила:

— Сколько в месяц? Наверное, больше, чем вы зарабатывали на шелкопрядильной фабрике?

Чэн Баоли ответила:

— Точную сумму назвать трудно, но, конечно, больше, чем на фабрике.

— Судя по тому, как вы выглядите, понятно, что у вас всё хорошо. Вы уехали, а вернулись такими бодрыми и уверенными в себе. Как только я вошла, сразу поняла, что вы точно заработали денег.

Все в комнате смеялись и болтали, и тут Чэн Баоли вспомнила, что привезла с собой сувениры с Азиатских игр, которые они купили в Пекине. Она быстро порылась в сумке, достала их и раздала всем.

Даже в таком маленьком уезде, как Цзянбэй, волна Азиатских игр не прошла незамеченной. Все были в восторге, увидев сувениры с логотипом игр.

— Вы были в Пекине?

Чжэн Пин ответил:

— Да, занимались мелким бизнесом, заработали немного денег, но теперь вернулись в центр провинции.

— А вы были на площади Тяньаньмэнь? В Запретном городе?

— Конечно! — Чэн Баоли была хорошо подготовлена, она специально привезла фотографии, сделанные на площади Тяньаньмэнь, чтобы произвести впечатление. Она показала их всем: на фото были они с Чжэн Пином на фоне площади Тяньаньмэнь, а также снимок, где Чжэн Хайян и Хань И, два малыша, в ободках для волос своих мам.

Взрослые, увидев, как смешно выглядят дети, рассмеялись:

— Это ведь ребёнок из соседнего дома? Как он вырос! Время летит так быстро, он уже умеет ходить и говорить?

Чэн Баоли не могла остановиться, особенно теперь, когда она вернулась с таким подъёмом и встретила старых знакомых и соседей. Она сказала:

— Он уже и ходит, и говорит, бегают так быстро, что взрослые не успевают за ним, и говорит очень бойко, особенно когда зовёт Яньяна «братиком». Теперь он слушается только нашего Яньяна, без него начинает плакать.

— Ой, так он стал вашим Янъяну маленькой невестой?!

— Конечно, нашей маленькой невестой! — сказала Чэн Баоли с гордостью, говоря о «маленькой невесте» с таким выражением лица, будто она хвалила нового зятя.

Все продолжали болтать, и ужин проходил в доме Чэн Баоли. Они поставили большой круглый стол, и каждый принёс из дома что-то своё, чтобы поесть вместе. Мужчины пили, женщины болтали о домашних делах. Чэн Баоли привезла с собой губную помаду, и женщины, увидев её, были очень удивлены. Бабушка Чэнь сказала:

— Это же просто красная бумажка, приложишь — и покраснеет, не так ли?

Чэн Баоли открыла помаду:

— Нет, это совсем другое. Посмотри, как это удобно, провёл раз — и готово!

Теперь Чэн Баоли больше не работала на фабрике, и тот запах «шелкопряда», который раньше от неё исходил, исчез. Она накрашила губы помадой, на шее у неё был красивый шарф, и она сама казалась совсем другой женщиной. За столом сидели в основном работницы, только одна была бухгалтером на фабрике. Среди женщин её возраста было несколько, но мало кто выглядел так же красиво, как Чэн Баоли.

До отъезда Чэн Баоли была такой же работницей, как и они, но через два года вернулась совершенно другим человеком. В её движениях появилась уверенность, которой раньше не было. Она уехала простой деревенской женщиной, а вернулась модной и элегантной.

Что касается Чжэн Пина, он сидел с мужчинами, и его разговор уже не был таким пустым и хвастливым, как раньше. Он курил и говорил так, будто был спокойным и мудрым лидером, и его слова звучали очень убедительно.

Никто не изменился, только Чэн Баоли и Чжэн Пин стали другими.

Чжэн Пин рассказывал всем о переменах, которые произошли за эти два года: о развитии Пекина, о том, как Азиатские игры повлияли на экономику, и о ценах на жильё в Пекине. Когда все услышали, что цена за квадратный метр в районе игр поднялась до 8 000–9 000, они чуть не упали со стульев. 8 000–9 000 за квадратный метр! На такую квартиру они бы копили всю жизнь!

Кто-то не поверил:

— Разве квартиры не дают на заводе? В Пекине нет заводов? Не дают жильё?

Чжэн Пин ответил:

— Это коммерческое жильё, не заводское, как его могут дать? К тому же сейчас государственные заводы переживают не лучшие времена. Завод моего отца в центре провинции тоже скоро закроется, многие заводы уже обанкротились. Нам дали жильё, но кто знает, будут ли ещё распределять работу, не говоря уже о квартирах.

Все вздохнули. Когда рабочие заговорили о заводах, тема снова изменилась, и они начали жаловаться на то, что происходит сейчас на их заводе. Оказывается, теперь заводом управляет директор, но на их заводе несколько директоров, каждый отвечает за свою часть работы. Как только директор стал управлять всем, между ними начались трения, и каждый тянул одеяло на

себя. Рабочие не знали, что делать. Сейчас дела на заводе идут плохо, урожай рапса стал меньше, масла производят меньше, зарплату пока выплачивают, но ситуация на заводе вызывает недовольство среди рабочих.

Чжэн Пин больше не работал на заводе, поэтому не мог давать советы, но кто-то вспомнил о шелкопрядильной фабрике, где раньше работала Чэн Баоли. Оказалось, что фабрика обанкротилась в конце прошлого года. Часть оборудования купил начальник цеха, и теперь, хотя фабрики больше нет, он открыл небольшой завод. Рабочие получили компенсацию за банкротство и ушли, но некоторые продолжили работать у бывшего начальника цеха.

Чэн Баоли спросила:

— Начальник цеха? Как его зовут?

— Не знаю, кажется, Хуан? Я слышал, как его называют начальник Хуан.

Чэн Баоли чуть не рассмеялась. В её бывшем цеху было много людей по фамилии Хуан, но начальником цеха был только один — её бывший начальник. Она даже давала ему подарки!

<http://bllate.org/book/16484/1498048>